

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ И СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИЧНОСТЬ: НОВЫЕ ВРЕМЕНА

А.Д. Лашевская

В статье автор анализирует массовые движения протеста, охватившие мир в начале третьего тысячелетия, рассматривает новые типы социальных протестов, их природу и причины. Приходит к выводу, что протесты — это одно из состояний социального бытия, и повышение благополучия в обществе не способно избавить его от социальных потрясений и катастроф. Рассматриваются возможности изучения новых процессов в рамках общей теории систем.

Ключевые слова: протест; социальный протест; критическая система; сотрясения; социальная критичность; социальная катастрофа.

Типы социальных протестов

Существование неравенства, от самых зачаточных его форм, что мы можем наблюдать уже у многих животных, в особенности у приматов, тесно связано с возмущением против него, восходящим от рефлексивной резистенции до крайних коммунистических идеалов. В самом общем виде неравенство есть разность потенциалов, определяющая структуру общества и динамику его развития, тогда как борьба против неравенства является тем самым динамическим процессом, который периодически переструктурирует общество или же ведет к его разрушению, сообщая социальной сфере регулятивные свойства живого организма.

Волны подобных возмущений прокатываются по всей человеческой истории, то возвышаясь в цунами революций, то рассыпаясь гребешками разнообразных бунтов и мятежей. Затруднительно обобщить всю эту активность масс в одном понятии; воспользуемся в качестве рабочего термина весьма популярным в последнее время словом *protest*, используя, впрочем, в дальнейшем его русскую форму. Оно представляется удовлетворительным, так как включает в себе, наряду с идеей отрицания, крайней негативации, представление об оппонируемом объекте, в роли которого часто выступают представители элит, власть имущие, иногда внутренние или внешние враги, т.е. более или менее персонализированные силы. Во что именно выльется протест, в

какое конкретное явление, очевидно, зависит от его мощности, определяемой такими параметрами, как накопленный потенциал противоречий, массовость, организационная структура и содержание. Заметим, что клишированный образ «восстания масс» мало соответствует тому разнообразию ситуаций, в которых как большинство выступает против меньшинства (которым могут оказаться и элитные, и маргинальные социальные группы), так и меньшинство (вассальная нация, революционная социальная группа или целый класс) поднимается против большинства.

Что касается содержания (и оставляя пока в стороне другие параметры), то здесь можно провести строгую типизацию, под которую будут попадать любые протестные движения, независимо от их мощности, исторического контекста и конкретной жанровой окраски. Типы общественного протеста таковы:

- 1) классовый,
- 2) религиозно-идеологический,
- 3) национальный,
- 4) экономический и
- 5) дворцово-политический (ситуации, когда политические кланы в борьбе за власть провоцируют социальный раскол).

Объективной целью любых таких движений является преобразование общества — если не тотальное, то какой-то его локализованной в пространстве, времени либо социальных отношениях структуры. При этом объективная цель не есть нечто непременно и всякий раз дости-

жимое, а скорее *идеал*, на который направлена общественная энергия, та предельная идея, которая заключена во всяком протесте, но лишь в избранных случаях преобразующая реальность. В этом отношении революционные движения могут быть аналогически описаны в качестве фазовых переходов первого рода. Напомним, что для последних изменение агрегатного состояния вещества является как раз предельной целью, определяющей достаточное, но не необходимое условие фазового перехода. То есть важно выраженное в некотором возмущении стремление к изменению «агрегатного состояния» общества, а не самый факт такого изменения.

Итак, можно выделить три самые общие принципиальные черты, присущие всякому протесту: 1) направленность против определенной социальной группы, 2) четко выраженное содержание, 3) устремленность к структурному преобразованию общества. Во всяком случае именно к этому нас приучили многие века истории человечества. Но третье тысячелетие, едва начавшись, внесло коррективы.

Примеры «новых типов» протестов

Рассмотрим три группы событий, в последние год-два всколыхнувших мир или какую-то его часть. Сколь бы различные значение и характер не имели эти события, в них ощутимо какое-то единящее начало, позволяющее выделить именно их на общем тревожном фоне мировой политики, постоянно и повсеместно сотрясаемой конфликтами разной степени остроты и кровавости. Но — конфликтами застарелыми и традиционными, тогда как теперь мы сталкиваемся с явлениями, впечатляющими своей новизной.

I. *К первой группе* относится каскад арабских революций. Прошедшие, пожалуй, свой апогей, они *уже* позволяют понять себя, притом, что такое понимание оказывается насущной необходимостью для тех стран, где революционные процессы продолжаются. После распада социалистического блока, «арабская весна» — следующее столь масштабное, в границах громадного региона развернувшееся протестное событие. Если отбросить навязчивую для ряда политологов мысль о провоцирующей роли Запада, ради тех или иных выгод инспирировавшего этот каскад революций (а в

действительности, с относительным успехом постаравшегося воспользоваться ситуацией или хотя бы проконтролировать ее), то природа последних кажется легко объяснимой с помощью таких банальных терминов (легко разворачивающихся в политическую программу), как модернизация, демократизация, декоррупцизация и т.д. Однако так ли это? Парламентские выборы в Тунисе, Египте показали такую приверженность арабского общества традиционализму, которая вряд ли совместима с настоящим и серьезным обновлением. Вообще символом арабского протеста может служить картинка из каирского телерепортажа: сотня тысяч человек, разделившись пополам, мечут друг в друга вырванные из мостовой булыжники. Причем отличить «политические взгляды» одной половины от другой, а тем более заподозрить какую-либо из них в приверженности идеалам демократии и свободы, совершенно невозможно. Неужели все дело в личностях Каддафи или Мубарака? Конечно, нет, и это только фигуры, вокруг или против которых объединились на короткий срок враждующие стороны. В таком случае есть размытый и условный образ противников как тех, кто поддерживает действующего и посаженного лидера, но нет той четко выявленной социальной группы, против которой направлен протест. Нет ни народного стремления к коренному преобразованию общества, ни скоординированного в политической элите представления о том, каким бы это общество могло быть. И нет, по большому счету, подлинного содержания у арабских революций: это было и есть просто восстание масс против власти.

II. *Вторая группа* — протестные движения в Западной Европе и Северной Америке. Их палитра чрезвычайно пестра, и они, как правило, лишены революционного пафоса, однако не ограничиваются и тихими малолюдными шествиями или сидением на Капитолийской лужайке. При случае они легко превращаются в бунт или погром; можно вспомнить хотя бы недавние кадры из Афин: ведь это была уменьшенная копия Каира. За архаическими ассоциациями здесь проглядывает грозное сходство в готовности масс взорваться по любому поводу. В греческом случае такой повод — смесь экономической абстракции с относительно небольшим реальным ухудшением условий жизни; т.е.

содержание протеста присутствует, но уже размывается, уже с трудом поддается определению. Тематика выступлений против Уолл-Стрита или антиглобалистского движения также представляется словесною ширмой, за которой нет внятной содержательной потребности в преобразовании. Можно проследить, как от реальной политико-экономической схватки 60-х и 70-х гг. через антиядерные манифестации и движение зеленых в последующие два десятилетия западный протест, все более абстрагируясь, оказывается в области вопросов, практически не касающихся насущных человеческих нужд. Даже если обратиться к межнациональным проблемам, будоражащим, например, Францию, то они производят впечатление скорее повода, который находят бродящие в массах силы для своего выплеска, нежели того неразрешимого этнического конфликта, какие привычны иным регионам. Именно подмена причин поводами свидетельствует о нарастающей бессодержательности. Ведь то или иное тематическое оформление обеспечено любому протесту. Но надо отличать *casus belli* от *causa movis*, от той реальной причины, которая руководит этими новейшими протестами.

III. *Третья группа* — это ситуация, возникшая в российской общественно-политической жизни прошлой зимой, между парламентскими и президентскими выборами. Сам момент возникновения нашей протестной волны свидетельствует о ее политической ангажированности, о том, что массы в очередной раз стали заложниками чужой игры. Но *характер* ответа масс позволяет разглядеть ту же тенденцию — их готовность к возмущению как таковому, не столько уже имеющему свою цель, сколько ищущему ее. Достаточно сопоставить зимние выступления с тем протестным движением, которым была охвачена страна на протяжении всех 90-х. Тогда стоял вопрос практически о выживании нации, проблемы нищеты, бесправия и безбудущности были тотальны; люди выходили на улицы во имя собственного спасения. Сейчас, при всех многочисленных язвах, региональная дифференциация существенно локализовала их, общество в целом стало гораздо благополучнее, или, скажем, перешло на иной проблематический уровень. Соответственно, и конкретный, содержательный протест отошел в пределы «местного самоуправления»,

тогда как стихия общенационального возмущения (хотя бы и выраженная в легких колебаниях) становится весьма абстрактна. Например, центральный лозунг, под которым проходили зимние массовые выступления, — «за честные выборы» относится к смехотворному (в российских условиях) процедурному вопросу, нимало не соответствуя их подлинной сути.

Тенденция, о которой мы говорим, еще слабо проявлена, она пробивается, словно радиосигнал в волновом хаосе. В некоторых случаях трудно различить среди жизненно важных причин, вовлекающих людей в протест, условные фразеологически оформленные поводы. Тем важнее описать и понять эту тенденцию при ее рождении.

Протест как состояние социального бытия

В своей работе «Власть и судьба» [2] мы выдвинули предположение об автономном характере народной судьбы и народной истории. Эта гипотеза основана на парадоксальном сочетании в российском народе черт крайнего раболепия, терпеливой покорности и верноподданности с перманентно критическим отношением к власти и тем печально прославленным бунтарским духом, который с правильной периодичностью прорывается на волю во все тысячелетие отечественной истории. Конечно, это можно трактовать и как таинственную корреляцию: глубины терпения — и силы взрыва. Но мы полагаем, что сей круговорот определяется именно внутренней логикой народной жизни, вполне независимой от конкретной власти и только находящей себе в ней необходимый предмет для поклонения или ненависти, притом, что сама власть также подвержена циклическим колебаниям своего развития. Тогда взаимосвязь крайностей характеризует специфическую амплитуду народной судьбы. В поисках подобий российского парадокса можно заметить, что через периоды глубокого народного унижения (различной природы) регулярно проходили в своей истории две другие наиболее революционные европейские нации — польская и французская.

Разумеется, рассмотренные с микроскопической пристальностью, взятые в ограниченности *исторического момента*, линии судьбы народа и власти представляются тесно сплетенными, активно действующими друг на друга.

Но при постепенном увеличении масштаба, на первый план выходят все более общие закономерности, а отношения двух сторон становятся все менее причинными. Тогда они, отношения, могут быть проиллюстрированы, допустим, тангенсоидой, выражающей обратную каузальность именно в масштабе времени, с его повторяющимися циклами.

Исходя из этих соображений, мы рассматриваем протест не только как *реакцию*, но и в качестве имманентного социальному бытию *состояния*, периодически проявляющегося или обостряющегося, согласно ритму общественной жизни и математическому строю этого ритма подчиненного. Данное различие во всей предыдущей истории не имело практически никакого значения, поскольку человек всегда настолько полно был угнетен разнообразными вещами — голодом, завистью, национальной враждой и т.д., что реактивная конкретика протеста совершенно подавляла его универсальную сущность. Иначе говоря, внешние (относительно указанного ритма) факторы определяли причинный характер всякого протеста. Конечно, и в третьем тысячелетии подобные факторы продолжают доминировать. Но именно и только теперь как стаивают ледники, так возникают по всему миру тут и там, ареалы, где эти факторы, восходящие к естественным физическим и социальным потребностям человека, ослабевают (за счет удовлетворения потребностей); и вот тут-то начинает пробиваться масштабный пульс истории. Протест уже не исходит из причины, но ищет ее; возникает вроде бы спонтанно, не из чего, в действительности — отсылая к глубоким и общим социальным законам.

Все это имеет далекие следствия. Наши привычные представления о благополучном обществе грозят ошибкой. Рост благополучия, устранение вопиющих социальных противоречий, обеспечение элементарных условий жизни, диссипация капиталов и прочие объективные и благородные цели человечества скорее всего не сулят его умиротворения, но способны освободить потенциальную энергию протеста от ясных причин, от традиционного содержания, введя ее в русло иррационального выплеска. А иррациональное, во-первых, опасно по определению. Во-вторых, пока, по выражению Голдинга, люди «утонченны, но не цивилизованны» и пока компьютерные диверсии оста-

ются бунтом одиночек, любой протест стремится к самой естественной — а значит, первобытно-кровавой — для него форме.

Изменение и измерение социальной критичности общества

Универсальная сущность протеста требует соответствующей модели. Современная социология стремится опереться на принципы и понятия, принадлежащие, скорее, естественнонаучной сфере, — впрочем, не с целью заимствования, а как раз в поисках универсальных моделей. Можно выделить две стадии этого процесса: 1) аналогия, плодотворность которой определяется ее переходом в 2) общесистемное описание. Оно видит в человеческом обществе прежде всего систему, к которой, до известных пределов, применим единый язык науки.

Социальный протест есть, следовательно, такое особое состояние, которое повторяется в различных типах систем. Выше мы использовали аналогию с фазовым переходом первого рода. Теперь, понимая причинно-содержательный протест как частное, исторически привычное для нас воплощение универсальной стихии протеста, легко убедиться, что описание этого последнего через фазовый переход второго рода работать не будет. Ведь в рассмотренных трех группах событий не происходит изменения не только агрегатного состояния общества, но и принципиальных внутренних характеристик. Впрочем, аналогия менее всего догматична, поэтому следует оставить в поле рассмотрения позицию Вайдлиха: «Универсальная природа катастроф означает, что под воздействием глобальных деструктивных обстоятельств имеют место метаморфозы человеческого поведения, вследствие которых на поверхность выходят негативные природные качества человека, никогда ранее не наблюдавшиеся в нормальных условиях, которые затем усиливают враждебный *status quo*» [1]. Мы полагаем, что речь идет скорее о разной силы потрясениях, после которых общество возвращается к положению относительной стабильности.

Но ведь именно подобные процессы описывает теория самоорганизованной критичности! «Согласно этой теории, многие составные системы естественным образом эволюционируют к критическому состоянию, в котором малое событие вызывает цепную реакцию, могущую

повлиять на любое число элементов системы. Хотя в составных системах происходит больше незначительных событий, чем катастроф, цепные реакции всех масштабов являются неотъемлемой частью динамики. Как следует из теории критичности, малые события вызывает тот же механизм, что и крупные. Более того, составные системы никогда не достигают равновесия, а вместо этого эволюционируют от одного метастабильного состояния к другому» [3]. Строго говоря, мы тут имеем дело не столько с самостоятельной теорией, сколько с трансдисциплинарной моделью, с одной стороны, связывающей между собой различные концепции (теорию фракталов, теорию неравновесности, синергетику...), а с другой, находящей применение в самых различных областях — от метеорологии до экономики.

Самым общим правилом критической системы является закон степенного распределения в ней однородных событий, в зависимости от их силы. Чтобы уйти от нейтральной невзрачности слова *события* и оставить за *катастрофами* их грандиозность, используем термин *сотрясения* (concussions). Точно так же, как разрушительное землетрясение и заметное лишь сейсмографу колебание недр есть события одной природы, в социальной сфере все разнообразие протестов можно представить как череду однородных по существу, но различных по силе (которая тогда определяет их форму) сотрясений. Отсюда следует ряд (или клубок?) сильных выводов.

1. Чтобы в обществе происходили серьезные сотрясения, вплоть до социальных катастроф, *статистически* необходимо правильное распределение сотрясений средних, второстепенных и мельчайших. Выявить и стратифицировать их — задача отдельная; мы же тут указываем именно на характер их взаимосвязи. Так, в различных уголках «цивилизованного» мира то и дело случаются кровавые боины, подобные той, что устроил в Норвегии маньяк-одиночка. Казалось бы, действия маньяка и подпадают под анализ психиатрический, искать в них социальные причины выглядит натяжкой. Это так, если пытаться социологизировать причины индивидуальных действий; однако надо понимать, что и эти акты, и многие другие, только обходящиеся без крови, — это сотрясения различной *социальной* силы, принадлежа-

щие к единому полю социальной критичности и выражающие ее «лицо». Каждое такое событие может быть случайно, но совокупность их — величина, определяемая конкретным общественным состоянием.

2. В то же время катастрофа, действительно, требует некой глобальности. Когда Вайдхейм говорит о «деструктивных обстоятельствах», он словно бы подразумевает внешние факторы — те самые факторы, которые, определяя всю предыдущую протестную историю, заслоняли глубокую автономию критических процессов. Песчинка порождает лавину только тогда, когда система перешла порог — от субкритического к суперкритическому состоянию. В таком случае глобальность означает приуготовленность общества к катастрофе, а искомые обстоятельства заключены в самой пронизанности масс соответствующими идеями, предчувствиями, настроениями. Поэтому случайность тут относительна: она касается момента и той искры, что вызовет взрыв, но не его сути и неизбежности. Это означает ритмичность катастроф, зависящую — при снятии внешних факторов — от некоторых универсальных социальных характеристик. В этой связи весьма любопытно, что предыдущие крупнейшие сотрясения для двух рассмотренных нами выше групп — арабского мира и Европы — отстоят от современных событий на примерно одинаковое время (40–50 лет), это эпоха арабской эмансипации и массовых молодежных движений в Европе. Конечно, пресловутые внешние факторы лишают нас возможности проследить данный ритм на значительном материале. Но если он таков, если в социальной жизни действует генетическое правило передачи через поколение, то становится понятна и чахласть современного российского протеста (отстоящего лишь на одно поколение от рубежа 80/90-х), притом, что гораздо позже, чем нам сулят записные прогнозисты, нас ждут, возможно, гораздо более грозные события.

3. Вовремя будет заметить, что математический каркас понятия *критической системы* еще недостаточен, дабы однозначно определять критичность реальных систем. Ситуация эта, проблемная для физики, благоприятна для социологии, так как допускает известную свободу в развитии предложенной аналогии — ее развитии в основную модель. Тем не менее вопрос

определения сохраняется. Эмпирически очевиден критический характер современных общественных систем. Но обратимся к уменьшенной копии общества — *коллективу*, составленному из нескольких или нескольких десятков человек. Даже в том случае, если нет перманентного конфликта интересов и борьбы за власть, в некоторых (но не в любых) коллективах периодически происходят сотрясения, порождающие конфликты, иногда заканчивающиеся и разрушениями. Сопоставление двух типов коллективов должно способствовать выявлению природы критичности на данном социальном уровне. Подобным образом анализ масштабных социальных сотрясаний дает ключ к типологии критических систем. В этом контексте сходство между теми же двумя группами (Европой и арабским миром) определяется общим механизмом образования и выплеска энергии протеста, а различия — собственно величиной этой энергии, связанной с культурной традицией и задающей, как уже было сказано, адекватную форму. Так, для спокойной и весьма благополучной Норвегии упомянутая трагедия уже приобретает значение социальной катастрофы. Итак, что касается возможности управления социальными процессами, предупреждения иррациональных, немотивированных, бессодержательных катастроф, возможных в будущем, на первый план выходят вопросы *измерения и изменения* социальной критичности.

Исследование сущности социальной критичности

Таким образом, мы подошли к тем двум параметрам, которые только называли в начале статьи, — накопленный потенциал противоречий и структура. В принципе, их анализ может быть сведен в единый вопрос: в чем, в какой организованной вещественности заключена социальная энергия? Понимание частоты сотрясаний, их вероятности, распределения их центров еще не выходит за границы беспомощного наблюдения. Исследование сущности социальной критичности — тема, конечно, гораздо более глубокая и сложная; обозначим этот путь некоторыми соображениями.

Функционирование критических систем определяется двумя факторами: запасенной системой энергией и динамическими процессами, в которые она вовлечена. Можно трактовать

это в классических терминах потенциальной и кинетической энергии, с тем необходимым уточнением, что первая из них представляет специфическую сумму различных связей, взаимодействующих друг с другом, а вторая служит ее спусковым механизмом.

Как бы то ни было, именно вопрос о внутренней энергии очень важен и обещает интересные дискуссии, например, в сейсмологии. В самом деле, те ценные результаты, которых достигла теория самоорганизованной критичности в этой области, обрываются на стадии среднесрочных и тем более краткосрочных прогнозов. То есть инвариантность модели относительно внутренних преобразований не означает нашего безразличия к этим преобразованиям, — напротив, изучение этих последних, может быть, способно привести нас к более детерминационной модели. В данном случае это вопрос о том, какие силы и как связаны в геологической среде: «Вещество может связать часть упругой энергии, сообщаемой ему внешним силовым воздействием. Но оно может связывать в себе упругую энергию, неизбежно возникающую при самых многообразных структурных и вещественных преобразованиях, в нем протекающих» [4]. Что касается социальной тектоники, то помимо внешних факторов, всегда несколько искусственных, динамические процессы в любом обществе заданы, как логично предположить, сменой поколений и сменой технологий, т.е. двумя естественными ритмами, математическое несовпадение которых выявилось лишь в прошлом веке, а ныне само по себе становится критическим. А внутренние процессы? Это относительно медленная и, видимо, чрезвычайно энергоемкая аккумуляция различных напряжений, совокупность которых (а не формальная причина протеста) в свой черед взрывает общество. Такое представление уже сообщает нам кое-что о структуре «социальной вещественности», в какой происходит накопление: скорость развития, предельный потенциал, устойчивость. Те параметры, на которые можно опереться в дальнейших исследованиях.

И в заключение позволим себе заметить, что цель и, так сказать, научный пафос этой статьи состоят вовсе не в том, чтобы предложить совершенно новый подход к проблеме. Как раз подход свой мы развивали в рамках завоёвывающего популяризм в современной

методологии науки направления, базирующегося на вполне устоявшихся идеях общей теории систем. Цель была в другом — показать, что сама проблема совершенно нова или, по крайней мере, такою открывается при анализе массовых движений протеста, охвативших мир в начале третьего тысячелетия.

Список литературы

1. Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках, : пер с англ. / под ред. Ю.С. Попкова, А.Е. Семечкина. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 480 с.
2. Лашевская А.Д., Лашевский Д.Л. Власть и судьба // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы I Общерос. электронной науч. конф. (декабрь, 2009 г.). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. С. 165-169.
3. Пер Бак, Кан Чен. Самоорганизованная критичность // В мире науки. 1991. № 3. С. 16-24.
4. Пономарев В. Демон землетрясений // Знание — сила. 2011. № 10.

SOCIAL PROTEST AND SOCIAL CRITICALITY: THE NEW TIMES

Angelika D. Lashevskaya

Ural State Pedagogical University; 26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, 620017, Russia

The author analyzes the mass protest movement, to cover the world at the beginning of the third millennium, is considering new types of social protests, their nature and causes. The author concludes that the protests — is one of the conditions of social existence, and the welfare of the society is not able to save him from the social upheavals and catastrophes. The author considers the possibility of learning new processes in the framework of the general theory of systems.

Key words: protest; social protest; critical system; tremors; social criticality; social disaster.